КУРЬЕР КУЛЬТУРЫ
Ку-Ку

Взгляд из судейского "подполья"

ЧТО СКАЖЕТ ЯПОНСКАЯ МАРЬЯ АЛЕКСЕВНА

Интервью с членом жюри конкурса скрипачей. По заявкам читателей "МК". По горячим следам. Имя нашего собеседника не называем – есть причины.

Дженнифер Кох (США, II-я премия).

— Маэстро, большая часть публики и читателей "МК" не просто недовольна — разгневана решением вашего жюри...

— Так было всегда. Я хорошо помню самый первый конкурс Чайковского — 1958 года. Гнев, скандалы, захлопывания. И даже собирались бить жюри. Только за то, что любимец публики румын Штефан Руха оказался на третьей "ступеньке", а не на первой. И что же? Жизнь подтвердила правоту жюри. Сейчас Руха в смысле карьеры уступает своим бывшим соперникам.

— История повторяется, с той разницей, что любимица московской публики Дженнифер Кох претендовала на первую премию, а получила вторую...

— Дженнифер Кох очень талантлива. Никто с этим не спорит. Мы обратили на нее внимание два года назад — на юношеском конкурсе им. П.И.Чайковского, где она получила первую премию, и и мы поддержали это. Я знаю, что эти два года она прожила очень интенсивно, много гастролировала, и это сказалось на качестве игры: появилось больше эстрадности и плохого вкуса.

— Но у нее есть другие качества: невероятная музыкальность, способность отдаваться музыке...

— К сожалению, у нее нет хорошего педагога — а он ей сейчас очень нужен. Как она играла Брамса на III туре — на грани катастрофы. Публика да и ваш брат грешили на дирижера. Удивляюсь, как Александр Анисимов не схватил инфаркт, когда вынужден был с этой огромной махиной — оркестром — "ловить" Дженни, которая меняла темпы как ей вздумается. Раз десять. Неожиданно и резко. Против воли автора. И в Чайковском у нее много интонационных, темповых и вкусовых недостатков.

— Разве их не было у других конкурсантов?

— Были. Но если быть объективным, то по результатам первых двух туров Дженни не была лидером. Более того, на I туре она чуть не завалила Паганини. Хотя вся пресса писала, что она — лидер. Впереди шли наши: Граф Мужа и Егор Гречишников.

— Можно заглянуть в "кухню" судейства? Расскажите подробнее, как оценивались конкурсанты?

— Первые два тура — по 25-балльной системе. Самые высокие и самые низкие баллы отбрасывались. На первых двух турах мы не имели права (и возможности) даже обсуждать конкурсантов. Как только заканчивалось прослушивание, мы тут же уходили в судейскую комнату. И, сидя по разным углам, выставляли баллы (каждый — на отдельном листе). Тут же эти листы у нас отбирались, и в дальнейшем мы не участвовали: ни в подсчете баллов, ни в определении лидеров...

— А на III туре?

— Здесь все было по-другому.

— Почему?

— Потому что это самый ответственный этап. За баллами не видна индивидуальная позиция каждого судьи. Могли быть неожиданности. И вот мы собрались и, глядя друг другу в глаза, стали обсуждать, какие у нас будут премии и сколько — первых, вторых и т.д. Потом голосовали.

Анастасия Чеботарева (Россия, II-я премия).

— Говорят, что трое судей настаивали на первой премии для Дженнифер Кох и даже отказались подписать протокол в знак протеста...

— Не знаю, вправе ли я сообщать такие подробности, но могу сказать точно: не трое, а двое судей предлагали дать Дженнифер первую премию. Девять голосов — против. Простым большинством отказались от первой премии.

— Вы считаете, справедливо?

— Да. К сожалению, никто из конкурсантов не "тянул" на первую. Она ведь обязывает! Представьте себе, едут наши лауреаты в зарубежное турне. Например, в Японию. А японцы чрезвычайно чувствительны к качеству звучания. И что они скажут о качестве нашей работы: "Как? Это первая премия конкурса Чайковского?!" Престиж нашего конкурса заставил нас распорядиться призовыми местами так, как мы это сделали. А жизнь покажет.

— Вы решили перестраховаться и дать "кучные" премии: две — вторые, две — третьи, две — четвертые...

— Нет! В этом году мы имели уникальную ситуацию: при отсутствии явного лидера достаточно высокий уровень всех финалистов. Причем они органично дополняли друг друга: кто-то более техничен, кто-то эмоциональнее. И каждому чего-то не хватало — для безусловного лидерства.

— Поэтому Дженнифер Кох оказалась на одной ступеньке с нашей Настей Чеботаревой, которая у публики особых эмоций не вызвала...

— Это разговор на тему "Нет пророка в своем отечестве". Настя выступала очень стабильно на всех турах. Второе место — ее место. Я думаю, что как музыкант она еще себя покажет. Как, впрочем, и Дженни. Они еще обе маленькие. У них все впереди.

— Но обиды не забываются... Что вам известно о внезапном отъезде Дженнифер Кох? Почему она не играла на заключительном концерте?

— Отъезд был не внезапным, а запланированным: у Дженни была намечена гастрольная поездка. Они заранее купили билеты на 30 июня, за день до церемонии награждения и концерта лауреатов. Ее мама прислала в оргкомитет факс с заверениями — оплатить свое проживание в "Интуристе". Почему она не сделала этого вовремя — мне неизвестно. Хотя успела оставить доверенность на получение премии тем, кто ее здесь опекал. Я не думаю, что в какой-то другой стране Дженни могла бы иметь столько внимательных, заботливых и абсолютно бескорыстных опекунов, как у нас. Ее здесь носили на руках. Такое не забывается.

— Маэстро, а нужны ли нам конкурсы, из-за которых столько споров, скандалов и... расходов?

— Нужны! Конкурс Чайковского — один из самых престижных в мире. Только благодаря ему молодые музыканты могут выйти в люди. А нашим с каждым годом все труднее: их возможности в смысле карьеры тают на глазах — из-за отсутствия средств. Для кого-то из них конкурс Чайковского, может быть, единственный международный...

ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ИМЕНИ П.И. ЧАЙКОВСКОГО

INTERNATIONAL TCHAIKOVSKY COMPETITION
Supported by PIONEER

Чайковский может «уплыть» в Китай...

Прошай, грусть — X Международный конкурс имени Петра Ильича Чайковского. Самый странный, скандальный, скрытный — тебя как будто оборвали на полуслове. Никаких пресс-конференций, "круглых" столов и тусовок — поговорить о странностях любви к конкурсу после конкурса. Ты отрекся от прошлого и от собственных традиций. Предпочел новые "мозоли" — старым. Готов отказаться от своего имени — к огорчению потомков Петра Ильича, впервые подчеркнуто не званных на праздник имени своего великого предка.

Ты в гроздьях гнева, как памятник Чайковскому в гроздьях сирени (был!). Ты загнал нас в "угол", к нашим извечным комплексам неполноценности. Твой самый страшный приговор: закат Европы. Третья премия Марко Риччи (скрипка, Италия) и шестая Квирин Вьерсен (виолончель, Нидерланды) — весь комплект западноевропейских наград.

Помнишь, как тебя, юбиляра, приветствовал федеральный канцлер Германии Гельмут Коль? Впервые! Каково канцлеру: ни один из 14 немцев не вкусил успеха в Москве! Впервые.

Наш спецвыпуск — попытка трехмерного взгляда на Десятый юбилейный. Накануне разборок и репрессий, которые ждут виновников провала российской школы. Посмотрим... Точку — не ставим.

Взгляд со стороны

НЕ ЗАКИПАЕТ НИКОГДА В КАРТОННОМ «ЧАЙНИКЕ» ВОДА

Журналистская тусовка окрестила X Конкурс им. Чайковского "Чайником"

Среди обломков империи конкурс Чайковского — один из самых любимых. Разговоры о несправедливостях десятого "Чайника" придают обломку новый печальный оттенок. И дело не в том, что какие-то конкурсанты несправедливо отставлены, по мнению одних, и несправедливо продвинуты, по мнению других. Так было с самого первого "Чайника", когда ЦК КПСС ответил Климовым на Клиберна. Может быть, сама идея исполнительского музыкального конкурса, на котором, в конце концов, нет никакой возможности объективно сосчитать количество забитых голов, в чем-то несовершенна. Дело в том, что объективные и субъективные трудности конкурса приобрели новое качество.

Тот незатейливый факт, что так называемая "классическая" музыка есть особая форма интеллектуального творчества, давно перестал быть известен широким массам. Они узнают о новостях "классики" от весьма уважительного к ней Ивана Демидова — между рассказами о личной жизни Вики Цыгановой и высочайшем, как тембр его же голоса, профессионализме Преснякова-мл. Ново и пугает, что общенародно-демидовская трактовка "классики" захватывает профессионалов-музыкантов и "профессионалов"-посетителей филармоний. То, что эффектное движение смычка, размашистое подергивание плечом, закатывание глаз и т.д. воспринимается как "яркая", "крепкая", "выразительная", а главное — "индивидуальная" игра, означает одно — музыка перестает быть творчеством. Мыслью. Сообщением. Она превращается в форму чисто потребительского и бессмысленного кайфоизвлечения.

В музыке (как и в политике, в журналистике, иногда в литературе) утрачивается смысл содержания сказанного. Как в одном из азимовских вариантов будущего: люди забыли о ядерной науке и обслуживали свои АЭС в порядке языческого культа. Поэтому оправдано не только поведение нынешнего жюри, но и вообще объединение "Чайника" с хит-парадом "Останкино" (только живой звук! В номинации "классика" — Алик Шнитке с его последним суперхитом из нового лазерного альбома "Жизнь с идиотами"!)... Но это ведь что-то на грани смертного греха, а?

Новая реальность конкурса оказалась обогащена всеми "недостатками капитализма", но не приобрела его главных достоинств — а именно мощных систем самозащиты и обратных связей. На западном музыкальном конкурсе несправедливое поражение способного конкурсанта не влечет за собой для него — и для музыки в целом — никаких опасных последствий (кроме моральных издержек). Ведь в зале, кроме жюри, — очень много высокопрофессиональных "слухачей"-импрессарио, которых фирмы держат именно за то, что они способны почувствовать настоящий талант, невзирая ни на какой околомузыкальный рэкет.

Но я думаю сегодня о двух вещах. Во-первых, о том, что для людей, которых очень много в стране, и у которых в жизни, помимо ее мерзостей, есть музыка — для них пришло время вычеркнуть из жизни конкурс Чайковского. И во-вторых. Страна не может без вреда для себя пережить времена, когда в ней прекращается музыка. А может — и вообще не переживет.

Роман ЗАХАРОВ,
кандидат физико-математических наук.
г. Санкт-Петербург

P.S. ***Питер сильно пострадал: ни один из его представителей не попал в финал (по всем специальностям).***

P.P.S. В разгаре конкурса журналистов "МК" отлавливали западные импресарио: чтобы связаться с Игорем Каменцем (после его интервью в "МК") и предложить ему зарубежные гастроли. Наши импресарио не разбежались...

Post scriptum

СПАСИБО, "ЧАЙНИК", ЧТО ТЫ ЕСТЬ

Мы победили. Сегодня. Завтра победит Китай ("урожай" призов чуть меньше нашего). Или Япония. Если объединятся Кореи... Был случай: перед третьим туром у вокалистов сенсация из КНДР Хо Гван Су воссоединился (в номере "Интуриста") со своим соперником из Южной Кореи и – вышел в финал. С третьей премией. А пианистки из Сербии и Хорватии с первого дня захотели жить вместе. Только мы себя не любили...

Бригада "МК" на конкурсе Чайковского — головная боль всех председателей жюри, оргкомитета и пресс-центра. Мы вечно лезли не туда и не то писали. Руководитель пресс-центра музыковед-фольклорист Александр Медведев читал нам морали, а мы делали свое дело. И даже созрели до деловых (конструктивных) предложений. Предлагаем:

1) отбирать наших на конкурс – живьем, иностранцев – по видеокассетам;

2) вернуть в жюри Андрея Эшпая и Даниила Шафрана. Пригласить Бориса Чайковского и Евгения Нестеренко;

3) очистить оргкомитет от "балласта".

...3 июля. Конец. "Интурист" покидают последние конкурсанты. Когда "Икарусы" отчалят в «Шереметьево», состоится "вынос тела" из штаба конкурса главной "домоправительницы", ветерана шести "Чайников" Маргариты Семеновны Тер-Саакян.

— Устали? — спросили мы. — Смертельно. Целый месяц просидела здесь безвылазно. Круглосуточная работа. — А что будет завтра? — Смертельно скучно. — Может, не надо больше конкурсов? — Да вы что! Неужели не обидно за державу?

Обидно, Маргарита Семеновна!

Конкурсная бригада "МК": Флора Калинко, Ирина Погорелова, Галина Тюрина, Елена Хаханова. И – Джимми Б. Лохматых-Кудлатых. Единственный аккредитованный пес. Завсегдатай БЗК и большой друг "МК". Фото Эдуарда Левина.

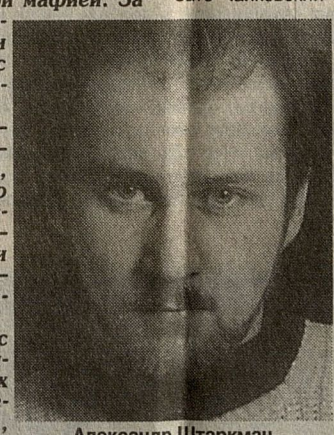
Автономный взгляд

НЕ ОБИЖАЙТЕСЬ, АЛЕКСАНДР!

"МК" положил глаз на Николая Луганского, Вадима Руденко и Александра Штаркмана задолго до конкурса. Бдительный читатель Олег Осетинский обвинил нас в... сговоре с конкурсной мафией. За день до подведения официальных итогов предложил свои оценки и выводы. Сравним с официальными, которые выглядят так:

Фортепиано: I премия — не присуждена, II премия — Николай Луганский (Россия), III премия — Вадим Руденко (Россия) и Хэй Сун Пэк (Республика Корея), IV премия — Александр Гиндин (Россия) и Зон У (Китай), V премия — Александр Штаркман (Россия).

Итак, взгляд на конкурс пианистов независимого критика, "садовника" известных вундеркиндов: Полины Осетинской, Кати Осетинской, фортепианного дуэта Ники и Светы Осетинских.



Александр Штаркман (Россия, V-я премия).

На мой взгляд, только двум участникам удалось доказать, что слухи о гениальности классиков не очень преувеличены: Александру Штаркману и Николаю Луганскому.

Зрело, с полным самообладанием, на мощном душевном фундаменте построил Штаркман величественный, сумрачный и просветленный храм 32-й, последней сонаты Бетховена. Соната была пережита, осознана и воплощена с пианизмом почти абсолютным. Этюды Шопена и Листа — восторг. Утонченнейший Чайковский.

И — Николай Луганский. Признаюсь, не веря в Луганского, шел, зевая. Не мог забыть, как мы смеялись с бывшей моей ученицей Полиной на концерте 12-летнего Луганского в ЦМШ, когда 9-летняя Полина была уже мировой звездой, а он — робость, скованность, бедность эмоций... И то же чувство было после концерта у мадам Горбачевой на Ленинских горах. Зам. министра Казенин и Коконин, привезшие Полину и Николая, толклись за кулисами, дрожа от страха. В тесном предбаннике мы ожидали, пока жены Политбюро и главных послов отобедают. Пришли, сели в зале, ковыряя в зубах. Вяло похлопали. Луганский играл Рахманинова. Вяло, бесцветно. Подумалось: не поднимется, не расцветет.

Я ошибся! Радостно иногда признаваться в этом. Луганский — великая история гадкого утенка! Редчайший пример целеустремленности, воли, душевного самозатачивания, высвечивания себя изнутри. Это был праздник души! Мы слушали Бетховена — не Луганского! Мы не думали — какой пианист, но трепетали — какая музыка!

Так было после первого тура. Во втором расстановка сил не изменилась, хотя, на мой взгляд, Луганский ошибся, включив в программу "Мефисто-вальс" Листа. Не надо было. Театр представления — это ложный путь для Николая. Зато Чайковский (Большая соната) и Прокофьев (6-я соната) почти везде были равны сами себе. Штаркман во втором туре блестяще, с неисчерпаемой выдумкой сыграл "Петрушку" Стравинского и труднейшие "Вариации на тему Паганини" Брамса.

И вот третий тур... Это, по существу, начало нового конкурса. И здесь решают нервы, запасы душевного здоровья. Лидерам приходится трудней.

В очень выигрышном положении оказался яркий пианист Вадим Руденко. С очень красивым серебристым звуком, стихийно виртуозный и при этом подлинно музыкальный. Он играл Третий концерт Рахманинова очень свободно. Но, на мой взгляд, недостаточно тщательно готовился к этому конкурсу, и между Луганским и Штаркманом встать не мог.

Да, они были зажаты, очень нервничали, много ошибались, но сделали невозможное. Когда Луганский после финала концерта Чайковского, в котором он собрал всю волю и прошел труднейшие пассажи в невероятном темпе, а потом взял первые ноты в концерте Рахманинова — в зале ясно стал слышен как бы выдох. И — улыбка. Все уже знали чувством шестым или седьмым, кто будет победителем. Хотя я бы разделил 2-3 места между Николаем и Александром, а первого бы не присуждал, потому что просто не хватило физических сил...

И все-таки появились два больших пианиста. Кто-то замечательно сказал: "В наш век развелось так много феноменальных пианистов, что тоскуешь по хорошим". С "коровьим теплом музыки". Искренним. С душой и жаждой полета.

Олег ОСЕТИНСКИЙ.

P.S. Это было написано до решения жюри. Что ж, поздравляя победителей, остаюсь при своем мнении. Все думаю: когда же будет по справедливости, "по музыке"? Когда кончатся эти расклады, закулисные игры всемогущих музыкальных боссов, директоров ЦМШ, создателей "Новых имен", оглядки на японских спонсоров? И как бороться с пиратской приватизацией залов, музыкальных учреждений, монополизмом филармоний... И вообще — как нам теперь удержать музыкантов на родине? Скажем, Александра Штаркмана? Чем? Гонораром? Справедливостью? Не обижайтесь, Александр! Музыка — с вами!